

Александр Восьмой

**Книга 5. «Тишина
купила звёзды»**

18+

Александр Восьмой

Книга 5. «Тишина купила звёзды»

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 5. «Тишина купила звёзды» / А. Восьмой — «Автор»,
2026

Команда заключает рискованную сделку с таинственной фракцией, которая торгует информацией и предпочитает молчание как валюту. Цена договора — секрет, который нельзя произносить вслух. Здесь слово становится оружием, а тишина — ловушкой. Высокая конверсия — за счёт интриги и ощущения, что любая фраза может стать роковой.

Александр Восьмой

Книга 5. «Тишина купила звёзды»

Глава 1. Последний порт

Туманность Ворона дышала холодом и пеплом — будто сама пустота здесь научилась шептать угрозы. На её окраине, словно ржавый зуб в гнилой десне, дрейфовала станция Гнилой Якорь. Последний порт, где не спрашивают имени. Где тень стоит дороже золота, а взгляд — дешевле пули.

«Молчальница» Рэй Воронцовой вползла в стыковочный шлюз на остатках тяги, оставляя за собой шлейф искр и несбывшихся надежд. Пробоина в баке зияла, как открытая рана, а трюм был пуст — ни груза, ни удачи. Только команда, собранная из осколков чужих жизней.

Слепой штурман Ксен прижался лбом к вибрирующей переборке, «читая» пульсацию станции, как слепой читает рельеф букв. Его пальцы скользили по панели, выхватывая из гула ритмы чужих двигателей — он видел космос не глазами, а кожей. Механик Борг, чьи вены, казалось, гудели тем же низким тоном, что и реактор, колдовал над пробойной, вплетая в металл новые жилы из старого хлама. Его сердце и правда было из корабельного сплава — тяжёлое, гулкое, привыкшее к перегрузкам.

Стрелок Даг стоял у шлюза, не целясь никуда — и в этом была его сила. Он не искал мишень, он ждал, пока мир сам подставит уязвимое место. Его спокойствие было страшнее любого прицела. А в углу, сжимая колени и глядя на мерцающие индикаторы, сидела Лира — девочка с голосом, способным ломать навигационные системы. Один неверный звук — и «Молчальница» могла бы рухнуть в гравитационную яму, даже не поняв, что случилось.

Рэй провела ладонью по изъеденной коррозией стене шлюза. Здесь пахло отчаянием и выгоревшим топливом — запахом тех, кто пришёл сюда, чтобы исчезнуть. И всё же она пришла за шансом.

В тот момент, когда стыковка щёлкнула, как капкан, в шлюзовой камере что-то шевельнулось. Не тень — скорее отсутствие света. Рэй шагнула внутрь и увидела на полу узкий свиток, туго перетянутый чёрной нитью. Его не было там минуту назад.

Она подняла его. Бумага была не из целлюлозы — скорее из прессованной тьмы, гладкой и холодной, как лунный лёд. Семь слов, выжженных алым, впились в сознание: «Кто молчит, тот живёт. Кто знает — торгует».

Свиток едва ощутимо вибрировал в пальцах, будто внутри билось чужое, торопливое сердце. Рэй не успела подумать, не успела спросить — интуиция, отточенная годами бегства, закричала: не произноси ни слова. Даже про себя.

Из темноты шлюза вынырнула фигура в плаще без лица — только прорезь для глаз, горящая тусклым янтарём. Голос пришельца звучал так, будто слова рождались не в горле, а в вакууме между звёздами:

— Ты принесла тишину? Или принесла шум?

Рэй сжала свиток крепче. В её голове пронеслось сто ответов — дерзких, осторожных, лживых. Но она выбрала единственный, который мог спасти команду:

— Я принесла вопрос.

Фигура склонила голову, словно прислушиваясь не к словам, а к паузе между ними.

— Вопрос — это тоже товар. Но помни: здесь слово — оружие, а тишина — ловушка. Если ответ прозвучит раньше, чем ты поймёшь, о чём спрашиваешь, — ты проиграешь.

Тени вокруг сгустились, будто сами стены станции затаили дыхание. Рэй почувствовала, как холод пробирается под кожу, не от космоса — от понимания: сделка уже началась. И цена её — секрет, который нельзя произносить вслух. Даже думать о нём слишком громко было опасно.

— Что ты хочешь взамен? — наконец прошептала Рэй, и собственный голос показался ей предательски громким.

— То, что ты боишься потерять больше всего. Не корабль. Не деньги. То, что делает тебя капитаном. Твой голос. Твою историю. Твой секрет.

Лира тихо всхлипнула в темноте, и даже этот звук отозвался эхом, будто станция жадно глотала каждый шорох. Борг замер с гаечным ключом в руке, Ксен перестал «читать» вибрации, Даг впервые посмотрел прямо — и в его взгляде мелькнуло то, чего Рэй никогда раньше не видела: страх.

Сделка была предложена. И отказаться от неё значило остаться здесь навсегда — не телом, а именем. А принять — значит вступить в игру, где любое слово могло стать последним.

Рэй медленно кивнула.

— Я согласна. Но у меня есть условие.

Фигура в плаще чуть наклонила голову.

— Условия здесь не торгуют. Здесь торгуют молчанием.

— Тогда пусть моё молчание будет моим условием. Я не скажу ни слова, пока не увижу, что моя команда в безопасности.

Тишина повисла между ними, густая и вязкая, как смола. Фигура протянула руку — не для рукопожатия, а чтобы принять незримую клятву.

Рэй вложила в этот жест всё: страх, надежду, груз ответственности за тех, кто стоял за её спиной. И когда пальцы фигуры сомкнулись на невидимой нити её обещания, станция Гнилой Якорь будто вздохнула — и тьма вокруг стала чуть менее враждебной.

Свиток в её руке перестал вибрировать. Теперь он был просто бумагой. Но Рэй знала: внутри него спрятан не текст, а эхо чьих-то невысказанных тайн. И теперь эти тайны стали её грузом.

«Молчальница» осталась пришвартованной, но команда уже отправилась в путь — туда, где слова убивают, а молчание спасает. И где каждый шаг будет стоить не денег, а тишины.

Глава 2. Брокер без лица

Трюм заброшенного грузовика пахнул затхлым вакуумом и ржавчиной — будто здесь годами копилась сама тишина, оседая пылью на переборках. В центре, словно алтарь из металлолома, стоял контейнер — гладкий, без единой маркировки, будто его выточили из куска тьмы.

Рэй Воронцова замерла на пороге, чувствуя, как холод пробирается под кожу не от температуры, а от тяжести того, что предстояло сделать. За её спиной тихо дышали те, кто стал её командой: Ксен, слепой штурман, водил ладонью по воздуху, будто нащупывал невидимые нити напряжения в этом месте; Борг, механик с сердцем из корабельного сплава, сжимал гаечный ключ так, словно хотел выжать из него хоть каплю уверенности; Даг, стрелок, который никогда не целился — он просто знал, куда ударит судьба; и Лира, девочка-певица, прижимала ладони к ушам, будто пыталась удержать внутри собственный голос, чтобы он ненароком не сорвался и не разбил что-то хрупкое в этом мёртвом пространстве.

В углу, у переборки, стоял Хранитель. Капюшон скрывал голову, а под ним — не лицо, а гладкая пластина, холодная и безжизненная, как у манекена. Он не смотрел — если вообще мог смотреть. Он просто был здесь, как часть тени, как продолжение самой станции.

Хранитель не говорил. Вместо слов он достал тонкую пластину из тёмного металла и вывел на ней острым стилусом несколько строк. Свет от символов был тусклым, будто они не горели, а поглощали свет вокруг.

«Планета Мёртвый Зов. Груз — туда. Не открывать. Не сканировать. Не называть вслух. Оплата — координаты рудного пояса. Хватит на десять жизней».

Ниже, строкой мельче, чем пыль на стекле, тянулась фраза, от которой у Рэй внутри всё сжалось: «Если произнесёте, что внутри, — контракт аннулируется. Вместе с вами».

Рэй не колебалась. Она знала: на Гнилом Якорё колебания стоят дороже, чем ошибки. Она кивнула и приложила палец к считывателю — отпечаток, подпись, приговор. Металл чуть нагрелся под её кожей, будто принял её согласие как жертву.

Хранитель провёл стилусом ещё одну линию — и исчез. Не ушёл. Не растворился. Просто перестал быть там, где только что стоял. Как будто его никогда и не было — только тень осталась, чуть гуще остальных.

Контейнер молчал. Идеально гладкий, идеально пустой на всех сенсорах. Ни тепла, ни излучения, ни намёка на содержимое. Он был невидим для сканеров, словно сам космос обходил его стороной.

Но когда они вышли из трюма и закрыли шлюз, Лира вдруг остановилась, повернула голову и прошептала:

— Он стучит.

Никто не услышал. Никто, кроме неё. Её слух ловил то, что не предназначалось для человеческих ушей — вибрации, которые не регистрировали приборы, шёпот пустоты, который звучал как пульс.

— Что? — переспросил Даг, но Рэй резко подняла руку.

— Не спрашивай, — сказала она тихо. — Не тяни это слово на свет.

Лира сглотнула, её глаза стали огромными, как две чёрные дыры.

— Я не придумала. Он стучит. Как будто внутри кто-то... дышит.

Борг фыркнул, но в его смехе не было веселья.

— Это трюм скрипит. Или твои нервы.

Ксен медленно провёл ладонью по воздуху, нахмурился.

— Здесь нет звука, — сказал он. — Но есть... движение. Как будто пространство вокруг него сжимается.

Рэй посмотрела на контейнер, теперь уже не как на груз, а как на ловушку, которую они сами втащили на борт.

— Мы летим на Мёртвый Зов, — сказала она твёрдо, будто бросая вызов самой тишине. — И мы не будем задавать вопросов. Вопросы здесь стоят дороже, чем жизнь.

Они вернулись на «Молчальницу». Корабль принял их, как старый друг, который знает, что впереди — не удача, а испытание. Двигатели взвыли, разрывая тишину, и станция Гнилой Якорё осталась позади, растворяясь в пелене звёзд.

Первую ночь в пути Рэй не спала. Она стояла у переборки рядом с грузовым отсеком, чувствуя, как вибрация корабля пытается заглушить что-то другое — тихое, ритмичное, настойчивое. Стук. Или пульс. Или отсчёт.

Лира сидела в углу, обхватив колени, и шептала себе под нос какую-то бессловесную мелодию — не песню, а заклинание тишины. Борг проверял крепления, будто надеялся, что если всё будет прикручено достаточно крепко, то реальность не сможет вырваться наружу. Даг стоял у иллюминатора, глядя в чёрную пустоту, и Рэй знала: он тоже слышит. Просто не говорит.

А Ксен, прижав ладонь к стене, вдруг произнёс:

— Оно не живое. Но оно... ждёт.

Рэй сжала кулаки.

— Пусть ждёт, — сказала она. — Мы доведём. И не скажем ни слова.

Тишина на корабле стала плотной, почти осязаемой. Она обволакивала их, защищала и душила одновременно. Каждый вдох казался слишком громким, каждый взгляд — слишком откровенным.

И в этой тишине контейнер продолжал стучать — ровно, настойчиво, будто отсчитывал секунды до чего-то неизбежного.

Глава 3. Тихий пролив

Тихий пролив не был местом — он был отсутствием. Здесь гасли радиоволны, словно космос проглатывал их, не переваривая. Здесь звук не распространялся — он тонул, как камень в смоле. «Молчальница» шла вслепую: сенсоры молчали, экраны мерцали мёртвым серым, а компасы крутились, будто забыли, где север.

Рэй стояла у штурманской панели, вцепившись в край стола так, что пальцы побелели. Рядом Ксен водил пальцами по старой звёздной карте — бумаге, пожелтевшей от времени и чужих страхов. На ней не было ни координат, ни меток — только линии, соединяющие звёзды, как вены на руке мертвеца.

— Держу курс по памяти, — тихо сказал Ксен. — По тем звёздам, что не двигаются.

— А те, что двигаются? — спросила Рэй, и собственный голос прозвучал в этой тишине как вторжение.

— Их мы не трогаем, — ответил он. — Они не для нас.

Борг метался по отсекам, проверяя соединения, дёргая кабели, будто надеялся вытрясти из них хоть искру сигнала. Его шаги отдавались не эхом — они просто висели в воздухе, тяжёлые и одинокие, не находя выхода.

— Пусто, — пробормотал он. — Как будто космос выключили.

Лира сидела в углу кабины, обхватив колени, и тихо напевала без слов — мелодию, сотканную из дыхания и пауз. От её голоса «Молчальница» вздрагивала, будто корабль был живым и звук причинял ему боль.

— Тише, — шепнула Рэй, хотя сама не знала, кого просит — Лиру или тишину.

Но тишина не слушала. Она давила, становилась плотной, осязаемой, как холодный туман. И в этой тишине мысли начали проступать.

Сначала — на стекле иллюминатора: тонкая вязь, похожая на иней, но слишком чёткая, слишком осмысленная. «Я боюсь». Потом — на стене, рядом с панелью управления: «Он лжёт». Слова возникали не из воздуха — они вырастали из самой тишины, как кристаллы из пара, холодные и острые.

Даг стоял у двери, не двигаясь, и смотрел прямо перед собой. Его лицо оставалось спокойным, но Рэй видела, как сжимаются и разжимаются его кулаки.

— Ты что-то видишь? — спросила она.

Он не ответил. Только кивнул на стену за её спиной.

Рэй обернулась. На металле, прямо над панелью аварийного сброса, было выцарапано одно слово: «открой». Не маркером, не краской — по металлу, глубоко, будто когтями. И самое страшное — снаружи.

Она подошла ближе, провела пальцем по буквам. Холод пробирался под кожу.

— Этого не может быть, — прошептала она. — Мы в вакууме. Никто не мог...

— Мог, — тихо сказал Борг, появляясь из коридора. В руке он держал кусок обшивки, который только что снял. На внутренней стороне тоже было слово. Но другое: «беги».

Лира вдруг перестала напевать. Её глаза расширились, она прижала ладони к ушам.

— Он стучит, — выдохнула она. — Громко. Как будто хочет вырваться.

Контейнер в грузовом отсеке действительно стучал. Не ритмично, не как пульс — а как крик, сжатый в один глухой удар. Бам. Бам. Бам. Каждый раз — чуть громче, будто металл не выдерживал того, что было внутри.

Рэй сжала кулаки.

— Мы не откроем, — сказала она твёрдо. — Мы не скажем ни слова. Мы пройдем этот пролив и сдадим груз.

Ксен вдруг замер, его пальцы застыли над картой.

— Слышишь? — спросил он, не глядя на неё. — Не стук. Голос.

— Какой голос? — Рэй почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод.

— Твой, — прошептал Ксен. — Ты думаешь: «Мы не выживем». И это слово только что появилось на стекле.

Рэй резко отвернулась, закрыла глаза, пытаясь остановить поток мыслей. Но тишина была зеркалом — она отражала всё, что пряталось внутри.

«Молчальница» содрогнулась. Не от удара, не от турбулентности — от звука. Лира снова запела, на этот раз громче, пытаясь заглушить тишину, но голос её не рассеивался — он сгустился, становился материальным, вибрировал в воздухе, как натянутая струна.

Корабль застонал металлом, панели задрожали, и на мгновение Рэй показалось, что она видит, как слова срываются с губ команды и оседают на стенах, как пепел.

— Хватит! — крикнула она, и крик прозвучал как взрыв в этой мёртвой тишине. — Хватит петь! Хватит думать! Мы должны молчать!

Лира замолчала, её глаза наполнились слезами. Борг прижался спиной к стене, будто искал в ней опору. Даг медленно поднял руку и указал на иллюминатор.

За стеклом, в абсолютной черноте Тихого пролива, мелькнули огоньки. Не звёзды. Не отражения. Огни кораблей — тусклые, мерцающие, будто призраки.

— Нас видят, — сказал Ксен, и в его голосе впервые прозвучал страх. — А мы не видим их.

Контейнер ударил снова — на этот раз так, что пол под ногами Рэй дрогнул.

— Держите курс, — приказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не как мольба. — Держите курс. Мы пройдем.

И в тот момент, когда «Молчальница» скользнула глубже в пролив, тишина вдруг стала ещё плотнее, ещё тяжелее — как будто сама пустота затаила дыхание, ожидая, кто первым нарушит молчание.

Глава 4. Голодный свет

На третьи сутки Тихий пролив перестал быть просто тишиной — он стал голодом. Голодом, который пожирал звуки, мысли, даже тени. И в этой пустоте, где не жил ни один сигнал, появился второй корабль.

Чёрный. Без опознавательных. Без единого огонька — будто он не отражал свет, а втягивал его, как чёрная дыра втягивает звёзды. Он шёл параллельным курсом, ровно в ста метрах — ни ближе, ни дальше. Не стрелял. Не подавал сигналов. Просто был. И этого хватало, чтобы у каждого на «Молчальнице» внутри всё сжималось в тугой узел.

Даг прильнул к прицеле, пальцы лежали на спуске, но не давили — потому что стрелять было не во что. На борту чужого корабля стояли люди. Или то, что раньше ими было. Они не двигались. Стояли у иллюминаторов, прижавшись лбами к стеклу, и смотрели. Глаза — широко распахнуты. Рты — раскрыты, будто в крике. Но в вакууме не было звука. Только безмолвный вопль, застывший на лицах.

— Они кричат, — прошептал Даг, не отрываясь от прицела. — Я вижу, как рвутся их голоса. Но здесь их нет.

Рэй сжала кулаки, чувствуя, как холод пробирается под кожу, не от космоса — от понимания: этот корабль не враг, он зеркало. Зеркало того, что может случиться с ними, если они сломаются.

Лира сидела на полу, обхватив колени, и не пела. Впервые за всё время она молчала — и от этой тишины становилось страшнее, чем от любого крика. Потому что в этой тишине контейнер заговорил.

Одно слово. На языке, которого не существовало. Ни в одном словаре, ни в одной базе данных. Оно не прозвучало — оно возникло сразу в голове у всех, одновременно, как общая мысль, которую никто не думал. И в тот же миг, как только смысл коснулся сознания, он исчез. Забылся. Растворился, будто его и не было. Но остался след — как ожог на памяти.

Все подняли глаза друг на друга. В них читался один и тот же вопрос, который никто не решался задать. Рэй шагнула вперёд, её голос звучал жёстко, как удар хлыста:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.